М. КАЛИНИН

О ПАРТИЙНО-МАССОВОЙ РАБОТЕ

ЛЕНИЗДАТ
1944

М. КАЛИНИН

О ПАРТИЙНО-МАССОВОЙ РАБОТЕ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЕ И КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1944

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПАРТИЙНО-МАССОВОЙ РАБОТЫ[1]

Товарищи! Я не собираюсь делать вам инструктивный доклад, а коснусь лишь некоторых вопросов партийно-массовой работы.

Мы много слышим разговоров о партийно-массовой работе. Все о ней говорят, а если копнуть поглубже, то увидим, что достаточной ясности и определенности, конкретного понимания этого вопроса у многих нет. В сложнейших условиях современной войны, в особенности имея в виду, что тысячи новых работников выдвинулись к руководству партийными организациями на предприятиях и в учреждениях, стали пропагандистами и агитаторами, перед нами стоит задача умело использовать богатейший опыт нашей партии в постановке и проведении политической работы в массах.

Что такое партийно-массовая работа? Что значит иметь связь с массами? А ведь именно это мы особенно и ценим в нашей политической работе.

Надо сказать, что связь-то с массами может быть самая разнообразная.

Ну, скажем, иметь широкий круг знакомства, ходить в гости друг к другу, и, будучи в гостях, можно, конечно, кое-что узнать из того, что делается на заводе, в среде рабочих, в учреждении. Это ведь тоже связь с людьми.

Панибратство в обращении с рабочими. Ходит, скажем, парторг или профорг по цехам, рабочих по плечу похлопывает, называет даже по именам. А в дело не вникает, на недостатках внимание рабочих не останавливает. О таком секретаре парткома или парторге можно иногда услышать: «Вот как близко к массам стоит человек, рабочего по плечу хлопает, Иваном Петровичем называет, свой парень».

Плестись в хвосте за массами — это тоже «связь» с массами. Тебе жалуются на то, на другое, а ты поддакиваешь, вместе плачешь в жилетку. Тебе поют, а ты подтягиваешь: «Да, света нет,

[1] Речь на совещании партийных работников предприятий города Москвы 21 апреля 1942 года.

холодно, действительно продуктов маловато». Случится какая-либо неполадка на предприятии или в учреждении, и ты ходишь и подпеваешь: «Ах, чорт побери, что за бюрократы, вот в какое безвыходное положение поставили!» А к тебе прислушиваются, и это кое-кому, пожалуй, может вначале и нравиться.

Но о такой ли связи с массами мы, большевики, думаем? Нет, конечно. Итти с массами туда, куда идут массы, увлекаемые иногда отсталыми элементами, — это меньшевистская линия. Наша большевистская линия — вести массы, не опекать, но вести вперед за сознательным авангардом.

А как вести массы?

Прежде чем ответить на это, я задам вам другой вопрос: кто может вести массы? К этому призваны коммунисты. Коммунистическая партия ведет массы и неплохо ведет. В доказательство этого можно привести бесконечное множество примеров. И первый пример — война. Несмотря на неудачи первых месяцев войны, вызванные главным образом внезапностью, неожиданностью нападения, можно смело сказать, что народ ни на минуту не поколебался в уверенности в своем правительстве, а следовательно, и в партии. Это факт.

Здесь собрались партийные руководители. Хотите вы этого или не хотите, а на местах вы являетесь вожаками масс. Как же иначе, какой же это секретарь парткома, в лице которого народ не чувствовал бы политического руководителя! Секретарь парткома — это ответственнейшее лицо на предприятии, в учреждении, в районе.

Но что требуется от секретаря партийной организации, чтобы он имел действительное влияние на массы, чтобы массы к нему прислушивались, чтобы они ему верили? Само собой разумеется, что партийный руководитель, пропагандист, агитатор должен быть человеком идейным, глубоко преданным коммунистической партии, должен хотя бы в общих чертах знать историю нашей партии и понимать задачи, которые наша партия ставит перед рабочим классом, народом. Партийный руководитель, пропагандист по уровню своего политического развития должен быть во всяком случае не ниже других, ему не мешает иметь и определенную общекультурную подготовку. Как же подходить партийному работнику к массам?

Первое. Как мне представляется на основании собственного многолетнего опыта, требуется, чтобы партийный руководитель не был гордецом, зазнайкой. Если вы в разговоре с рабочими или рядовыми партийцами хоть каким-нибудь жестом, интонацией голоса, незначительной, случайной, казалось бы, фразой дадите понять, что вы считаете себя умнее их, больше знаете,

то вы пропали. Рабочий и вообще рядовой человек не любит людей, которые себя высоко ставят, и прислушиваться к ним не будет, а в подходящий момент и крепко им об этом напомнит. Поэтому коммунисты прежде всего не должны быть гордецами, зазнайками и не должны забывать слов, сказанных товарищем Сталиным на совещании стахановцев в ноябре 1935 года: «Стало быть, мы, руководители партии и правительства, должны не только учить рабочих, но и учиться у них. Что вы, члены настоящего совещания, кое-чему поучились здесь, на совещании, у руководителей нашего правительства, — этого я не стану отрицать. Но нельзя отрицать и того, что и мы, руководители правительства, многому поучились у вас, у стахановцев, у членов настоящего совещания. Так вот, спасибо вам, товарищи, за учебу, большое спасибо!»

Итак, мы пришли к тому, что агитатор должен быть скромным; особенно этим качеством должен обладать партийный работник, имеющий, так сказать, партийно-административную власть, секретарь партийной организации. Если он хочет пользоваться любовью рабочих, он должен воспитать в себе качество скромности, не зазнаваться. Верно я говорю? (*Голоса:* «Правильно, правильно!») Кто хочет быть руководителем, должен за собой следить.

Второе. Не годится, когда пропагандист, руководитель в общении с массами пропитан духом поучения. Вы, наверное, и сами замечали, что когда оратор только и знает, что говорит: нужно то-то да то-то, мы должны да мы обязаны, — как-то неприятно даже становится и слушать такого оратора. Когда я пишу статью и по ходу мысли следует сказать, что «надо сделать», мне самому как-то претит это, и я стараюсь заменить такую формулировку. Совсем другое дело, когда свою мысль, обращение, призыв ты выражаешь путем рассуждения, анализа, путем доказательства необходимости того или иного мероприятия. Можно ведь обратиться к аудитории, как бы советуясь с ней: «Как вы думаете, если так сделать», «Мне кажется, что так разрешить вопрос было бы лучше», «Я бы поступил в данном случае таким-то образом». Тогда это будет и воспринято иначе.

Мы говорим в данном случае о выступлениях на узких собраниях, на производственных совещаниях, при проведении бесед. Разумеется, на тысячных митингах форма выступления будет иной: там каждая фраза должна быть короткой, строго очерчена, там трудно прибегать к форме собеседования. В вашей же повседневной работе чаще всего требуется вызвать на обсуждение, на разговор самих рабочих, и тут такая форма — «Как думаете, как вам кажется» — будет более приемлема. Весьма

ценно раскачать людей, вызвать их на обмен мнениями, чтобы они высказывались. Тогда собрание пройдет оживленно, рабочие будут охотно говорить и польза от такого собрания будет бесспорная. А то ведь иногда бывает как раньше на молитве. Оратор сам по себе, аудитория сама по себе; отсидели положенное время — и разошлись.

Не бойтесь отступать от плана своего выступления или собеседования. Говорите о производстве или войне, а подвернулся другой вопрос, на который народ откликнулся, — ничего, мимо проходить не надо. Раз людей расшевелили и они откликнулись, то уж дальше все слушать будут и намеченные вопросы сумеете обсудить.

Самое же главное — никогда не увиливайте от постановки острых вопросов, к чему некоторые ораторы частенько прибегают. Ни в каком случае к этому не прибегайте, не уклоняйтесь от ответа, не смазывайте поставленных вопросов. Если не можете тут же ответить на тот или иной вопрос, прямо и скажите: «Вопрос интересный и важный, я бы на него с удовольствием ответил, но сейчас к нему не подготовлен, он мной не продуман, затрудняюсь, как на него ответить. Я выясню, посоветуюсь с товарищами и тогда вам отвечу. А может быть, из вас найдется кто-нибудь, кто может этот вопрос разъяснить?» Это будет совершенно другое дело. А у нас любят иногда обходить злободневные вопросы или разъяснят их так, что люди ничего не поймут и прямого, правдивого ответа не получат.

Партийному руководителю следует быть абсолютно честным в отношении других людей. Секретарь парторганизации — это партийное око. Не знаю, вполне ли вы это сознаете. Поэтому всякие личные симпатии и антипатии по отношению к людям должны быть отведены в сторону. Если есть люди, которым вы по тем или иным причинам не совсем симпатизируете, то вы должны это так глубоко спрятать в себе, чтобы никто об этом и не догадался. Плохо будет, если заметят, что вы не беспристрастны в своих отношениях к людям.

Бывает ведь иногда так, что середнячок все помалкивает, да держится в сторонке, но работает хорошо, а другой и неважно работает, но часто ходит в партком, фабзавком, в комсомольскую организацию, всегда на виду — и его выдвигают. Это не годится. Если секретарь парткома хочет иметь авторитет, он должен быть чист в глазах масс. Это не значит, что он не может иметь более близких, личных отношений с определенными людьми. Нет, конечно. Но в своих общественных отношениях он должен быть беспристрастен ко всем людям. Он должен поставить себя так: «Ты мой дружок, это очень хорошо, но если ты

небрежно относишься к работе, погуливаешь, увиливаешь от производственных заданий, то я с тебя спрошу больше, чем с другого, и сильней взгрею». Вот как должен подходить к людям секретарь партийной организации.

Во всем надо поступать так, чтобы люди, окружающие тебя, чувствовали твою искренность и честность. Лицемерие от масс никак не скроешь, и поэтому изо всех сил избегайте этого. Массы не обманешь, и если люди заметят, что человек лицемерит, ему никогда больше не будут верить.

Вот если эти качества мы будем в себе воспитывать, то легче тогда будет и работать.

А теперь поставим вопрос, каким образом надо подходить к партийно-массовой работе, как проводить ее, как ставить перед массами те или иные вопросы. Все вопросы надо ставить по-партийному, подходить ко всему партийно.

Вот проводится подписка на заем. Ясно, что на месячный оклад в настоящее время все подпишутся. И я как агитатор прямо и сказал бы рабочим: «Теперь на заем в размере месячного заработка люди подпишутся даже и с невысокой зарплатой. Вы же знаете, какое положение переживает сейчас наше государство. У нас большая армия, огромные расходы, государству нужны деньги, их нужно откуда-то брать. Или итти на инфляцию или нужно помочь государству и дать деньги в виде займов. Только так можно вести войну, другого выхода нет». На это могут сказать: «Но нам-то жить тяжело». — «Потому и тяжело, потому и хлеб продается по карточкам, что война. А если бы было много хлеба, много тканей, одежды, обуви и прочих товаров, то мы не стали бы и заем проводить, а просто открыли бы магазины, наполнили бы их товарами — и деньги бы потекли. Потому заем и проводится, что нехватает денег, потребительских товаров, что производятся снаряды, вооружение, что товары идут на нужды армии, войны».

Товаров мало не только у нас, их нет и в других странах, в особенности в фашистских или ограбленных немецкими фашистами странах. И вот тут-то и следует развить положение, что мы в этом меньше всего повинны, что на нас напали; следует разъяснить империалистическую сущность войны гитлеровской Германии. Можно прямо спросить рабочих: «Что же, вы хотите, чтобы нас побили?» Но я знаю, что вы боитесь даже произнести это слово. А я бы не один раз переспросил того, кто плохо подписывается: «Что же, ты хочешь, чтобы нас побили?» Тут одно из двух: или нас побьют или нужно пожаться. Возьмите пример с ленинградцев: какие они трудности переносят и как

они героически держатся. Так надо ставить вопросы перед трудящимися, это будет партийная постановка.

На одном большом заводе, выступая перед рабочими, я прямо так и сказал, что государство от нас требует, чтобы мы поменьше потребляли и побольше производили; резко поставил вопрос и объяснил, что не потому мы этого хотим, чтобы рабочие, служащие у нас недоедали, а только потому, что товаров у нас сейчас меньше, нужды фронта большие, а враг нажимает. Не бойтесь резко ставить вопросы, лишь бы это было правильно, по-партийному.

Если на заводе знают, что вы не любите лицемерить, не увиливаете, не зазнаетесь, то ваши слова дойдут до сознания каждого. Иначе вам не поверят и скажут: «Знаем тебя, нам-то ты советуешь, а сам думаешь другое и поступаешь не так, как говоришь». В лицо, может быть, этого и не скажут, но потихоньку, конечно, говорить станут.

В чем сейчас состоит задача партийной пропаганды и агитации? В том, чтобы массы на каждом шагу чувствовали, что у коммунистической партии нет своих каких-то особых интересов, что она отстаивает интересы пролетариата, всего народа в целом. И сейчас именно такой момент, когда преобладание интересов целого над частным обнаруживается удивительно ярко и наглядно, понятно всякому даже малограмотному человеку, даже ребенку понятно. Всякий сейчас сознает, что интересы народа превалируют над личными, групповыми.

Идет жестокая война, фашисты чинят неслыханные зверства. Надо сказать об этом и спросить каждого, что он думает, как он хочет участвовать в общем деле. «Вот что требует от тебя целое, что требует партия. Если мы разобьем врага, то у тебя все будет, а если не разобьем, то и ты погибнешь. Но разбить врага можно только при условии, если мы бросим на войну все свои силы, материальные и людские». Если так выступить перед любым собранием и честно изложить все это, то ручаюсь, что во всяком случае 99, если не все 100, выскажутся за необходимость пойти на любые жертвы, лишь бы разбить врага. Может быть, какой-нибудь человечишка и будет против, враги еще имеются, но это будут единицы, отщепенцы, оставшиеся от старого мира. Мы должны научить людей беззаветной работе на пользу целого. В этом сейчас задача коммунистов.

Отмечается очень важное явление: что сейчас в партию идут больше, чем в мирное время, и на фронте вступают в члены партии больше, чем в тылу, в районах, более близких к фронту, — больше, чем в районах, отдаленных от него (*Голоса: «Правильно!»*). А почему это так? Потому что все чувствуют,

что надо усилить партию. Все знают, что наша партия — руководитель, что только могучая, сильная партия может обеспечить победу. И когда красноармеец видит, что он будет участником тяжелого боя, он подает заявление о вступлении в партию, желая итти в бой коммунистом. Это великая сила нашей партии, Советского государства. Массы хорошо знают, что у них один путь с партией.

В фашистской Германии имеются массовые организации. Гитлер опутал массы, придавил и принизил их, а мы массы развиваем, поднимаем их сознание.

Здесь говорили, что пропагандисты и агитаторы идут навстречу запросам отдельных рабочих и помогают им. Это неплохо. Должен сказать, что когда чем-нибудь можно помочь и помогают людям, то это хорошо, это хорошая черта в человеке. У женщин это лучше выходит, чем у мужчин. Но тут следует опять-таки разъяснить связь частных запросов с общими нашими задачами. Пришел человек за чем-нибудь, ему надо помочь и вместе с тем сказать: «Вот тебе партийная организация или профсоюз помогают, для тебя делают, но мы хотим, чтобы и ты, когда дело дойдет до тебя, не стоял в стороне, а вместе со всеми поднимал общее дело». Эту линию нужно выдержать и проводить во всей нашей массовой работе.

Говорили здесь о читке газет, что она проходит скучновато. Надо признаться, что часто это бывает не читка, а какая-то опека над рабочими. Мне сдается, что не всегда удобно и полезно выдвигать постоянных читчиков. Если бы я был секретарем заводской партийной организации, то поступил бы так: пришел во время обеденного перерыва к рабочим и спросил бы, есть ли желающие послушать чтение газет. Конечно, такие бы нашлись. Тогда я спросил бы: «А кто хочет почитать?» Читать газету могут у нас многие, и желающие безусловно найдутся. В эту группу рабочих я послал бы, однако, опытного, культурного рабочего, чтобы он затеял разговор и помог разъяснить прочитанное. Это будет и естественнее, и легче будет нащупать интересующие рабочих вопросы. Конечно, человека надо посылать культурного, с тактом. Ручаюсь, что при таком методе собеседования читки будут проходить оживленнее и будут пользоваться успехом.

Лет 40 тому назад я сам был читчиком. В моем нелегальном кружке было человек 15. Если бы я только читал, то дело бы не пошло. Сама читка занимала тогда минут 15—20, а затем шло обсуждение. Спрашиваю: «Как, поняли то-то и то-то?» — «Нет, не поняли». — «Ну, давайте разберемся». И начинается собеседование: проходит час, полтора и больше. Пока я читал,

слушатели не спали, поскольку знали, что после чтения начнется обсуждение. Так вот, товарищи, не так-то просто быть агитатором. А читка — это уже почти пропагандистская работа, и это дело нужно ставить умело, продуманно. Если беседчик-читчик не умеет заинтересовать слушателей, а слушатели знают, что он вами заранее подготовлен, ну какой тут может получиться обмен мнениями? Слушатели такие читки будут воспринимать, как школьные занятия, нечто вроде прежнего закона божьего.

В каждой газетной статье можно за что-нибудь зацепиться, чтобы свести разговор к общеполитическим вопросам. И я считаю, что лучше пусть читает кто-нибудь из самих рабочих и еще лучше — по очереди, а работники, которых вы выделите для участия в группах, пусть помогают вести беседу, разъясняют, что будет непонятно.

Слушая выступавших здесь товарищей, не чувствовалось, чтобы вы проявили инициативу и выдвинули производственные вопросы. Может быть, вы стеснялись, это возможно.

Какие же производственные задачи стоят перед нами, кроме тех общих задач, которые вам хорошо известны? Я бы поставил, например, как одну из важных задач, — это сбор лома. Не по фабрикам и не по квартирам, а, скажем, сколько у нас по Московской области разбросано одних только осколков от снарядов. Почему не поставить перед московским комсомолом задачу — собрать этот лом? В области на полях и в лесах лежат разбитые самолеты и много другого металлического лома. Я считаю, что легко можно собрать не менее 10 000 тонн лома, это беря очень скромно. А это ведь даст большую пользу. Для этого необходимо, конечно, провести соответствующую агитацию, разъяснить ребятам, как нужен стране металл, ознакомить их с порядком сбора и сдачи лома. Собственно, вряд ли и агитировать много придется, и так все достаточно ясно, лишь сумейте организовать дело практически.

Хотелось бы мне остановиться и на вопросе об огородах. Из выступавших здесь товарищей ни один не коснулся этого вопроса, а ведь это большой вопрос. Агитатор должен не только агитировать за огороды, но и помочь организовать это дело, следить, чтобы на коллективные огороды зря людей не гоняли, чтобы каждый трудодень был полновесным, заполненным производительной работой. В этом деле партийным и профсоюзным работникам вместе с хозяйственниками надо провести большую организационную работу.

Меня очень удивило вот какое обстоятельство на нашем совещании. В газетах изо дня в день говорится о стахановском

движении; здесь же собрались секретари партийных организаций, некоторые из них чуть ли не отчеты о своей работе дали, а о стахановском движении никто не упомянул, забыли. И, мне кажется, не случайно забыли о стахановском движении. Освещение в газетах стахановского движения бьет иногда не в ту сторону, куда следует. Рекламируются только тысячники, двухтысячники, а спрашивается: много ли у нас таких? Поэтому-то вы и не говорили о стахановском движении. У нас в стенгазетах по преимуществу тоже, вероятно, только о тысячниках говорится.

К этому вопросу можно подойти с двух сторон. Можно сказать и так: что же, у вас на фабрике или на заводе директор, главный инженер и вся администрация ничего не понимают, что у них люди долгое время работали по такой норме, которую разумный, честный человек мог перевыполнить на тысячу процентов? Видимо, до сих пор люди очень плохо работали или вовсе ничего не делали. Ведь если человек на заводе без введения всяких приспособлений и нововведений перевыполняет норму на тысячу процентов, то директора и главного инженера такого предприятия нужно отдать под суд, потому что у них на предприятии расхищаются государственные средства. Я сам работал лет 25—27 токарем на заводе, да и вы все с заводов и понимаете, что такое тысячник.

Настоящим тысячником может быть только тот, кто ввел в процесс своей работы какое-либо усовершенствование, техническое улучшение. Ну, скажем, вы пришивали пуговицы руками, а потом стали пришивать машинным способом. Конечно, выработка должна во много раз увеличиться. Или в процесс работы введено какое-либо другое рационализаторское предложение, отчего выработка быстро поднимается. Стахановское движение не мыслится без внесения рационализации в рабочий процесс. Но вот об этом-то и не говорят, этого и не показывают.

Говоря о тысячниках, нужно сказать, что такой-то человек на таком-то заводе внес разумное рационализаторское предложение, что и дало такой-то производственный эффект. Гораздо важнее рассказать, как пришли к такому-то результату, чем без конца повторять слово «тысячник». И надо, чтобы все на заводе следили за всяким нововведением и чтобы оно проникало в другие цехи. И если рационализатором оказался слесарь, станочник или рабочий другой профессии, то следует спросить: а как этому помогли заводские инженеры, конструкторы? Все это показывает, сколько у нас еще отсталости в постановке этого важнейшего дела по пропаганде рационализации, внедрению нововведений, развитию соревнования. Если бы так поме-

щать статьи о тысячниках, то это было бы большой помощью делу рационализации.

Но в чем главная беда? Беда в том, что мы забываем среднего, рядового рабочего. Скажите: если бы все те рабочие, которые сейчас еще не выполняют норм, стали бы выполнять свои нормы, на сколько бы тогда увеличилось производство? Скажите вы, опытные люди? (*Голоса:* «На 10—15—20%»). Вот видите. Так вот, если бы нам удалось увеличить производительность труда всех рабочих, именно всех рабочих, только на 10%, сколько бы это дало пользы, какой бы это был рост промышленного производства! Но этого добиться труднее, чем дать отдельные рекорды. Какое-нибудь небольшое изобретение сделать или рационализаторское предложение ввести — это очень важно, но это — не все и не самое трудное. Вот на токарном станке можно резать винтики вручную — сделаешь 20 штук, а на автомате 5.000 можно сделать. Но это еще не решает дело.

Стахановское движение подразумевает улучшение методов работы, ее облегчение путем введения различных приспособлений. Это новаторство не может очень широко охватить людей, потому что тут многое зависит от отдельного человека, от его индивидуальных способностей, изобретательности его мысли. Но его надо подталкивать и развивать, в особенности это должны делать цеховые инженеры и конструкторы, которым по обязанности это положено.

Стахановское движение, однако, не должно затемнять, преуменьшать роль социалистического соревнования рядовых людей, которое может дать многое; решают успех производства средние, рядовые люди. Вы же, товарищи, прямо скажу, к рядовым людям относитесь небрежно. Вы почаще вспоминайте о том, что подтягивание производительности труда середняков на какие-нибудь 10% — это огромное дело, и за это надо вести повседневную агитацию. К этому следует привлечь внимание инженеров, особенно инженеров-партийцев, которых у нас немало в таких больших городах, как Москва. В печати стахановское движение надо показывать таким, каким оно должно быть. Рационализаторские достижения следует пропагандировать и показывать, а главное — внедрять в производство, но ими не следует отгораживаться от важности задачи добиться достижений средних рабочих. Середняк-рабочий увеличивает производительность своей работы, не внося изменений в технический процесс, он увеличивает интенсивность, быстроту, ловкость в работе. Следовало бы собрать таких середняков-рабочих, особенно пожилых, старых производственников, и хорошенько потолковать с ними об увеличении выработки изделий. Это

сильно бы сказалось на общем балансе работы завода, и эффект был бы большой.

Усиленно советую вам обратить больше внимания на середняков, выдвигать их, показывать их работу в заводских стенгазетах. Рабочий в течение двух лет давал, скажем, только 80—90% нормы, а во время войны стал давать 100—105%. Его нужно выдвинуть, его работу показать. Почему? Да потому, что таких рабочих тысячи. И вы поднимаете на щит растущего середняка, рядового рабочего, который вам регулярно дает перевыполнение на 3—5%. О нем в газете статейку напишите, поместите его портрет. И тогда рядом с ним стоящий за станком рабочий подумает: «А что же я-то, хуже него, что ли? 3—5% лишних я и сам смогу дать, тогда и мой портрет будет фигурировать в газете».

Так поднимается массовое соревнование, потому что оно будет итти на возможной для всех основе. И это окажет действительно большую помощь производству. Часто это называют стахановским движением, а по существу это настоящее социалистическое соревнование, ударничество, от которого никак нельзя отказываться, его надо уметь только использовать, и мне бы очень хотелось, чтобы вы его использовали и развили. На дело надо смотреть реалистически, шумиха нам не нужна, а нужна реальная польза, а это означает поднять среднюю норму выработки.

Здесь ставили вопрос относительно работы с новыми рабочими. Это очень важная и трудная работа. В чем тут трудность?

Прежде всего, когда новый рабочий — а сейчас на производство по преимуществу идут женщины — приходит впервые на предприятие, то его на первых порах ошарашивает, несколько даже пугает необычность заводской обстановки. И только поработав с полгода на заводе, он начинает его любить. Я это помню по себе. На заводе дисциплина, а у нас люди, в особенности молодежь, привыкли к вольнице. Надо помочь вновь прибывшим рабочим втянуться в производство, привыкнуть к заводской дисциплине и порядку, и, с другой стороны, нужно разъяснить, чтобы люди поняли, что хотя на первых порах и тяжело, но потом слюбится и от завода человека не оторвать. Надо все сделать для того, чтобы новые люди на заводе полюбили свою работу, побыстрее освоили свою профессию и подняли квалификацию. Поэтому производственно-техническая помощь новым рабочим и внимание партийных и профсоюзных организаций к вопросу привлечения, втягивания новых рабочих в повседневную жизнь коллектива должны, мне кажется, стоять как важнейшие задачи. Очень важно знать людей, знать, какой

контингент пришел на завод, и в соответствии с этим ставить свою работу.

В нашем распоряжении имеется сейчас исключительно убедительный довод — война. Надо разъяснить пришедшей на заводы молодежи, что она пришла сюда не для игры, не для баловства, а пришла на самый боевой фронт, почти на такой же, как и военный. Это один из самых сильных наших доводов. С новыми контингентами рабочей молодежи на предприятиях придется поработать не только комсомолу, но и партийным организациям.

От новых рабочих кадров, от женщин, молодежи будет очень многое зависеть в современной трудной обстановке. Нужно новым рабочим привить дисциплину, сознание общепролетарских интересов. Проводить партийно-массовую работу среди них надо повседневно и умело, однако не следует действовать на них только наставлениями, а надо их самих заинтересовать и вовлечь в общественную работу.

Вот, собственно, и все, что я хотел вам сказать. Разрешите пожелать, чтобы наша беседа оказала хоть небольшую помощь в вашей работе.

О ЛИЧНОМ ПРИМЕРЕ ОТВАГИ КОММУНИСТОВ[1]

Когда задаешься вопросом, что главное в агитационной работе на фронте, ответ может быть только один: *главное — это личный пример отваги и доблести, овладения военной техникой, главное — это умелая и самоотверженная боевая работа наших агитаторов, политработников, всех коммунистов.*

Наши агитаторы, политработники, комиссары — это лицо партии в Красной Армии. Красноармейцы на фронте не могут изучать партийную программу, историю большевистской партии. Они познают большевистские традиции в действиях, в практической работе и в поведении комиссаров, политработников, агитаторов. Через этот канал преломляется понимание партии, познание партии широкой красноармейской массой.

В ходе войны армейские партийные организации непрерывно пополняются, растут. И чем острее положение на фронте, чем сильнее и ожесточеннее борьба, тем больше красноармейцев и командиров вливается в ряды партии. Уже один этот факт, что наш народ — а каждый красноармеец — это сын народа, а вся красноармейская масса — это теперь самая жизнедеятельная часть населения, — уже один этот факт, что наш народ, чувствуя опасность, нависшую над страной, в самые напряженные моменты борьбы теснее сплачивается вокруг партии, пополняет ее ряды, говорит об огромном авторитете нашей партии.

Этот авторитет среди широких народных масс партия завоевала десятилетиями самоотверженной, беззаветной борьбы за народные интересы. Этот авторитет партии создавали и растили ее основатели Ленин и Сталин и другие деятели партии.

До момента прихода коммунистов к власти принадлежность к партии означала переход на трудный жизненный путь, чреватый всякими неприятностями, гонениями, арестами, тюрьмой, ссылкой. Но люди шли на все, ибо их воодушевляла идея коммунизма, их воодушевляла уверенность в победе рабочего

[1] Сокращенная стенограмма выступления на совещании агитаторов Западного фронта, частей ПВО и Московского гарнизона 22 июля 1942 года.

класса, и поэтому, когда партия несла жертвы, это еще больше сплачивало ее ряды, ибо ее члены были уверены в своей правоте, в том, что делают полезное, необходимое для народа дело.

Как царизм ни зверствовал, как он ни расправлялся с большевиками, всегда из народа, в особенности из рабочего класса, выходили все новые и новые борцы, вступившие в коммунистическую партию, не страшась трудности борьбы, не страшась потери собственной жизни во имя идеи, во имя победы дела народа. На этой основе наша партия росла, выковывалась, воспитывала значительное количество беззаветно преданных борцов, выдвинула из их среды гениальных вождей и, в конце концов, сломила врага, завоевала победу.

Двадцать с лишним лет наши люди жили в обстановке мирного строительства, привыкли к достижениям. Ну как не привыкнуть, как не увлекаться этим! Сегодня проведена железная дорога, завтра прорыт канал, послезавтра построено великолепное здание, — не было недели, чтобы не появлялись результаты трудов человеческих рук. Вы сами знаете, как человек увлекается, когда он видит, что благодаря его работе созданы великолепные творения и что он сам участвовал в этом. Естественно, что за эти годы у некоторых наших людей появились благодушие, самоуспокоенность.

И вот на двадцать четвертом году существования советской власти мы снова вступили в полосу боев, которые навязала нам гитлеровская Германия. Немцы хотят поработить нашу страну, ликвидировать советскую власть, истребить наш народ. Грозная опасность нависла над нашей родиной. Перед народом, перед нашей партией, перед государством стоит задача — разбить врага, спасти советскую страну от порабощения, спасти советскую власть от гибели.

Разбить врага — трудная задача. Нам нельзя преуменьшать силу немцев, они сильны и организованны. Чтобы победить, еще понадобится много усилий и жертв от армии и народа. Много жертв наша партия, наш народ уже принесли. В этой жестокой борьбе может ли хоть один коммунист сказать: «Да минет меня чаша сия»? Я прямо скажу, если вы знаете такого коммуниста, который так думает, это не коммунист, а дрянь, трус, вошедший в партию, чтобы использовать преимущества принадлежности к правящей партии.

Коммунист никогда не отстраняется от боя с врагами. Он, конечно, ищет лучшей тактической обстановки, он стремится занять лучшие тактические позиции, но *когда началась драка, коммунист дерется упорно, бесстрашно, дерется до последней возможности.*

Наша партия — самая боевая, она всегда проповедывала беспощадную борьбу с врагами народа, она на практике провела эту борьбу до победы социалистического строя, став в огне боев единственной любимой народом партией. И когда теперь, в самые острые моменты ожесточенной борьбы, боец говорит перед атакой — «я хочу итти в бой коммунистом», — это значит, что наши бойцы, весь советский народ видят в партии самый боевой, самый неустрашимый отряд в борьбе за родину.

Знамя коммунистической партии — это знамя бесстрашия, самоотверженной и беспощадной борьбы, не знающей колебания, не ведающей сомнения в победе. Именно потому, что коммунисты не отстраняются от борьбы, а верны традициям большевизма, решительно и смело идут на борьбу, — именно поэтому они и ведут массы за собой.

Бесстрашие в борьбе за дело народа, дело Ленина — Сталина — это первейшее качество коммуниста. Если он вошел в партию, если является ее членом, — он должен знать, что ему придется быть в самых решающих местах смертельной схватки, бороться без устали, упорно, самоотверженно, не щадя своей жизни во имя победы. Жизнью мы не играем. Жизнь дорога каждому из нас, но раз борьба началась, значит, для того, чтобы победить, ничего нельзя пожалеть, нельзя жалеть и самой жизни.

Партия, родина, народ выше и дороже всего. Клятва, произнесенная товарищем Сталиным в 1929 году, «я готов и впредь отдать делу рабочего класса... все свои силы, все свои способности и, если понадобится, всю свою кровь, каплю за каплей» — эта клятва должна служить примером для каждого коммуниста, для каждого воина. И в лице коммунистов-воинов народ, армия, красноармейские массы должны видеть, прежде всего, эти лучшие черты нашей партии, бесстрашие и стойкость в борьбе, т. е. понимание, что идейность — выше всего, что раз я коммунист, то для меня идея большевизма, интересы народа — выше моей жизни.

Это — первое, что требуется от коммуниста для того, чтобы слово его было авторитетным, веским, находило путь к сердцу бойца, воспитывало и зажигало массы.

Но бесстрашие и храбрость коммунистов, особенно командиров и политработников, не должны быть юношеским задором. От них требуется не только храбрость. В политработнике красноармейские массы привыкли видеть агитатора, руководителя, который учит, что должен делать красноармеец, как должен делать, и своим примером показывать путь к успеху на поле боя.

Спрашивают порой: как лучше агитировать? Я с трудом

отвечу на такой вопрос. *Велико значение умного, сильного слова агитатора на поле боя*, когда оно сочетается с боевой деятельностью. Если ротный командир, политрук на опыте покажут, что они умеют разумно использовать все свое вооружение, искусно, ловко наносить удары врагу, — каждое их слово, призывающее к борьбе, будет находить самый живой отклик. *Успешная боевая работа — стержень успешной агитации.* Запомните это раз и навсегда.

Один агитатор, командир батареи, говорил здесь, что он чувствует, как нравятся его слова людям, как воодушевляет людей его агитация. Дело тут совсем не в том, что этот командир подыскал красивые слова, хорошо говорит. Речи его нравятся бойцам, ибо они видят, что батарея хорошо стреляет, крепко бьет врага, и любят поэтому командира. Он будет наказывать провинившихся бойцов, держать самую строгую дисциплину, и все равно бойцы будут любить его. «Строг наш начальник, — скажут бойцы, — но зато как стреляет, как немцев бьет!»

Поскольку батарея этого командира наносит сильные удары по врагу, поскольку этот командир умеет воевать, бойцы будут прислушиваться к каждому его слову, он будет для них авторитетнейшим человеком. Если же ты растяпа, безрукий человек — можешь сколько угодно говорить красивых слов, сколько угодно потакать красноармейцам, но авторитетом пользоваться не будешь. Ведь красноармеец прекрасно понимает, что если сегодня начальник потакает подчиненным, то завтра за это потакание придется расплачиваться кровью.

Вот почему я считаю, что *воинское умение в сочетании с ясным пониманием задач нашей борьбы — это главное для агитаторов*. Когда взводный командир, например, сумел по-настоящему дисциплинировать свой взвод, сделать его исключительно стойким, когда он показал на деле, что умеет наносить врагу жестокие удары с меньшими потерями, чем у врага, ручаюсь, что, как только он возьмет слово, красноармейцы скажут в один голос: «Надо послушать командира, уж больно он хорошо командует».

Задача агитаторов на фронте состоит, следовательно, в том, чтобы воспитывать и учить людей личным примером доблести и отваги, страстным большевистским словом, смелой и прямой постановкой вопросов, а главным образом, примерной боевой работой.

Некоторые товарищи еще не понимают этого, что сказывается, прежде всего, на свойственной таким агитаторам привычке во всех случаях жизни уговаривать людей. Дело доходит

до того, что даже отдача приказа кое-где сопровождается уговариванием. Эти люди забывают, что самая строгая, железная дисциплина — это основа, святая святых армии. Агитация же должна помогать укреплять эту дисциплину. Живое, большевистское слово агитатора играет неоценимую роль в сплочении наших боевых рядов. Но было бы совершенно неправильно и глубоко вредно сводить все только к одной агитации, оставляя в тени дисциплину, воинский порядок, боевой приказ.

Сила армии — в строжайшей, крепкой дисциплине. *Приказ, распоряжение командира — это в любых условиях закон для бойца, закон, от которого никаких отступлений быть не должно.* Всякий, кто допускает те или иные отклонения от правил нашего воинского распоряжения, нарушает дисциплину, должен подвергаться суровейшему наказанию. *И одна из основных задач наших агитаторов состоит в том, чтобы изо дня в день все более укреплять воинский порядок, умело и настойчиво воспитывать бойцов в духе сознания ответственности за выполнение воинского долга, в духе железной дисциплины.*

Надо, чтобы с первого же дня своего пребывания в части человек понимал, что отныне нет у него иной жизненной цели, как борьба с врагом, нет для него другого закона, кроме приказа командира. Война есть война, она не терпит никакого самовольничания, и если человек нарушает дисциплину, он должен сурово караться.

В своей агитации мы должны прежде всего стремиться к тому, чтобы сделать второй натурой бойца навыки дисциплинированности, стремление во что бы то ни стало полностью и до конца выполнить любой приказ командира, какие бы трудности ни стояли на пути. В этом — один из залогов победы.

Командир всегда должен чувствовать себя командиром. Его всегда должны встречать так, как положено встречать командира, и лишь после того, как он скажет — «вольно, давайте поговорим», — начинается товарищеская беседа. А если он огласил приказ и вместо того, чтобы немедленно приступить к делу, начнет разглагольствовать, это будет не агитация, а дребедень, только размагничивающая людей. Дисциплина всегда и везде должна быть на первом плане. Правила воинского распорядка всегда и везде должны быть незыблемы, нерушимы.

Вопросы дальнейшего повышения стойкости наших бойцов, естественно, находятся в центре внимания агитаторов. Но было бы наивным думать, что стойкость могут родить только одни слова, как бы правильны и хороши они ни были. *Стойкость*

вырабатывается прежде всего боем, активными боевыми действиями по уничтожению живой силы и техники врага. Разумеется, мы никогда не упускаем из виду, что *стойкость вырабатывается также боевым большевистским воспитанием бойца.*

Весь исторический путь нашей партии полон самой ожесточенной, беспощадной борьбы с врагами. Борьба и только борьба растила и укрепляла нашу партию, борьба и только борьба выковала беспримерную большевистскую стойкость. Без борьбы нет подлинной стойкости. Как бы мы ни агитировали, какие бы большие таланты ни проявляли в области агитации о стойкости, но если люди месяцами не видят врага, не сражаются, — самые прекрасные слова о стойкости становятся для них пустым звуком. Высокую стойкость рождают только активные боевые действия, когда бойцы приучены настигать и бить врага, когда люди постоянно испытываются в опасностях.

На ряде фронтов сейчас не происходит особенно значительных событий. Но можно ли думать, что стабилизация на том или ином фронте позволяет предаться здесь ленивому покою? Конечно, нет. Стабилизация не значит — оружие подмышку, лег и глаза закрыл, а охранение — пусть там охраняет. Такая стабилизация только разлагает. Оборона должна быть активной. И в обороне нужно все время тормошить врага, непрерывно наносить ему удары. И в обороне, на каком бы второстепенном, на первый взгляд, участке дело ни происходило, никогда нельзя давать немцам спуску, нельзя отдавать им и пяди земли. Если, положим, где-нибудь немцам удалось потеснить наших хоть на немного, нужно во что бы то ни стало вышибить обратно врага.

Так вот, товарищи, если хотите повышать стойкость бойцов, вы не должны спускать немцам ни одного нахального поступка. Тогда будет возрастать наша стойкость и уменьшаться стойкость врага. Нет слов: боевая активность связана с жертвами. Но война невозможна без жертв и даром победу получить нельзя. Если части нужно разгромить немцев, захватить дзот, проучить врага и нанести ему урон, — это должно быть сделано во что бы то ни стало.

Много у нас говорят о ненависти к врагу. Но одних слов здесь мало. *Бой, беспощадный бой с врагом — вот что развивает ненависть к врагу.* Если часть раз десять подерется с немцами, поверьте моей совести, ненависть у красноармейцев к немцам будет такой, какая нужна.

Агитатор должен прямо поставить вопрос перед бойцом, находящимся на передней линии: если ты за целую неделю не убил ни одного немца, — значит ты плохо выполняешь свой долг перед родиной, значит ты слабо борешься за нашу победу.

Ставьте практически вопрос перед людьми: «Если вы ничего не делаете, кто же будет за вас делать?» Надо, чтобы каждый боец понимал: если он сам ничего не делает для истребления гитлеровцев, — за него это никто не сделает. Надо, чтобы каждый боец понимал, что судьба родины, исход борьбы решаются его оружием, его стойкостью, его боевой активностью.

Вот уже скоро двадцать пять лет, как наша партия стоит у власти. Теперь каждому ясно, что быть большевиком — значит нести на своих плечах наибольшую тяжесть испытаний. Воодушевленные идеями Ленина — Сталина, воодушевленные сознанием правоты и благородства нашего дела, нашей борьбы, армейские большевики, агитаторы должны, не сгибаясь, пройти через все невзгоды и испытания военного времени, вместе с массами, во главе масс, выковывая победу над проклятыми немецко-фашистскими захватчиками.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ АГИТАЦИИ И ПРОПАГАНДЫ[1]

Товарищи! Я не стану касаться организационных вопросов работы комсомола, — это уж ваше дело, вы сами решите, какая форма работы вам лучше подходит, — я же коснусь вопроса о формах агитации и пропаганды на сегодняшний день.

Сейчас я смотрю на комсомол несколько иначе, чем прежде. До войны я смотрел на комсомольцев, как на зеленую молодежь, которой хочется погулять, повеселиться и не особенно хочется затруднять голову очень умными вопросами, как на молодежь, которая должна расти и физически укрепляться, чтобы стать в свое время зрелыми людьми и чтобы старость наступила возможно позднее.

Но вот началась война. Ясно, что теперь у комсомола, да и не только у комсомола, но и у всех людей жизненный опыт приобретается гораздо быстрее. Поэтому, если сравнить наш комсомол с комсомолом других стран, то, конечно, наш комсомол гораздо более зрелый; и эта зрелость повышает возраст. В самом деле, теперь семнадцатилетние ребята должны уже готовиться в армию. Я говорю — готовиться. Когда их призовут — это другой вопрос, но они думают о вступлении в ряды Красной Армии.

А вся окружающая обстановка? Ведь агитация должна приспосабливаться к окружающим условиям. Сейчас в нашей стране, особенно в деревне, комсомол является весьма сильной общественной организацией. Ясно, что комсомол сейчас принимает куда большее участие в общественной, политической, экономической и культурной жизни страны, а главное он в массе участвует в войне и, само собой разумеется, в агитации и пропаганде. И все это ему приходится проводить не только среди молодежи, но и среди всего населения. Таким образом, вы видите, что политическое значение комсомола сейчас выше, чем это было до войны. И поэтому комсомол должен вести большую работу по агитации и пропаганде и лучше овладевать ее формами.

Каждый исторический момент требует своей особой формы агитации и пропаганды. Несомненно, что в настоящее время у нас формы агитации не могут быть такими же, какими они

[1] Речь на совещании секретарей обкомов комсомола по пропаганде 28 сентября 1942 г.

были, предположим, два года тому назад. И это естественно. Если мы придем сейчас в массы с такими же формами агитации и пропаганды, как прежде, то они окажутся малодейственными, они не создадут у населения того впечатления, какое производили до войны. Например, если бы мы пришли на колхозное собрание какого-либо большого села и там выступили бы с речью, пересыпанной веселыми вставками, анекдотами или напыщенной, то два года тому назад эту речь, может быть, и встретили бы с удовольствием, посмеялись бы, поаплодировали, народ остался бы и доволен. А можно ли сейчас выступить с такой речью? Конечно, нельзя. Сейчас народ переживает большие невзгоды; много людей, которые потеряли близких им лиц; население сейчас выполняет огромную и очень тяжелую работу, а удовлетворение его потребностей сильно ограничено. Жизнь стала суровой. Люди стали сосредоточеннее, задумчивее. Следовательно, агитация и пропаганда должны соответствовать сложившейся обстановке и настроению людей.

Но какие же должны быть формы агитации и пропаганды и где их искать руководителям комсомола по агитации и пропаганде? Где их искать, на каких примерах следует учиться?

Надо сказать, что наша пресса не богата еще новыми формами агитации и пропаганды; она начинает только все более и более выявлять их. А где же больше учиться, как не у прессы, где выступают наиболее квалифицированные люди? Разумеется, самым лучшим материалом для агитаторов сейчас являются военные корреспонденции. Это естественно: ведь сейчас нет жизни вне войны. У населения нет переживаний, не связанных в той или иной мере с войной, с ее успехами и неудачами. В связи с этим и вы, руководители пропаганды среди молодежи, свое главное вдохновение в агитации и пропаганде должны черпать и из этих источников.

Есть ли такая возможность, имеются ли образцы для использования в агитационной работе?

Я считаю, что есть, хотя их немного. Но с каждым днем в прессе появляется все больше зрелых статей, из которых уже можно черпать материал, можно до известной степени подражать им, учиться на них. Разумеется, когда я говорю — подражать, то речь идет не о механическом подражании: это малодейственный способ, а подражать нужно с известной переработкой, применительно к местным условиям, к данной категории населения, к характеру той аудитории, перед которой вам приходится выступать.

Я считаю статьи Тихонова и Симонова хорошими, например, военными корреспонденциями, в военных изданиях есть мате-

риал агитаторам. Вот вы все хотите приехать в Москву и получить тут помощь и указания, как агитировать. Но ведь трудно указать это, да и как можно передать, показать формы агитации? Каждый человек по-своему строит ее. Я считаю, что главный источник, где можно учиться агитации и пропаганде, — пресса. Я уже не говорю об официальных статьях, которые определяют содержание и общеполитическую линию пропаганды, очерчивают круг тех вопросов, которые стоят перед нами, — укажу лишь на те новые формы, которые появляются в нашей печати.

Не знаю, читали ли вы последнюю статью Симонова — «Дни и ночи». Я должен сказать, что она хорошо построена. Вообще его статьи дают реальную картину боев. В последней статье соблюдены все пропорции и соотношения. Статья написана сдержанно. С внешней стороны это как будто бы сухая хроникерская запись, а по существу — это работа художника, картина, долго незабываемая.

Надо отдать должное — Симонов первый написал о борьбе сталинградских рабочих, особенно рабочих Тракторного завода, а ведь это имеет большое общественно-политическое значение. Привожу его текст:

«В городе нет теперь просто жителей — в нем остались только защитники. И что бы ни было, сколько бы заводы ни вывезли станков, цех всегда остается цехом, и старые рабочие, отдавшие заводу лучшую часть своей жизни, оберегают до конца, до последней человеческой возможности эти цехи, в которых выбиты стекла и еще пахнет дымом от только что потушенных пожаров.

— Мы здесь не все отмечали, — кивает на доску директор. Он начинает рассказывать о том, как несколько дней назад немецкие танки прорвали в одном месте оборону и устремились к заводу. Известие об этом поступило на завод. Надо было чем-то срочно, до ночи, помочь бойцам и заткнуть прорыв. Директор вызвал к себе начальника ремонтного цеха. Он приказал как можно скорее закончить ремонт тех нескольких танков, которые были уже почти готовы. Люди, сумевшие своими руками починить танки, сумели в эту рискованную минуту сесть в них и стать танкистами.

Тут же, на заводской площадке, из числа ополченцев — рабочих и приемщиков — было сформировано несколько танковых экипажей. Они сели в танки и, прогрохотав по пустому двору, прямо через заводские ворота поехали в бой. Они были первыми, кто оказался на пути прорвавшихся немцев у каменного моста через узкую речку. Их и немцев разделял огромный

овраг, через который танки могли пройти только по мосту. Но как раз на этом мосту немецкую танковую колонну встретили заводские танкисты.

Завязалась ожесточенная артиллерийская дуэль. Тем временем немецкие автоматчики стали переправляться через овраг. В эти часы завод против немецкой пехоты выставил свою, заводскую, — вслед за танками в овраге появились два отряда ополченцев. Одним из этих отрядов командовал начальник милиции Костюченко и декан кафедры механического института Пащенко, другим управляли мастер инструментального цеха Попов и сталевар Кривулин. На обрывистых скатах оврага завязался бой, часто переходивший в рукопашную. В этих схватках погибли старые рабочие завода: Кондратьев, Иванов, Володин, Симонов, Момотов, Фомин и другие, имена которых сейчас повторяют на заводе.

В этот день окраина заводского поселка преобразилась. На улицах, выходивших к оврагу, появились баррикады. В дело пошло все: котельное железо, броневые плиты, корпуса разобранных танков. Как в гражданскую войну, жены подносили своим мужьям патроны, и девушки прямо из цеха шли на передовые и, перевязав раненых, оттаскивали их в тыл. Многие погибли в тот день, но этой ценой рабочие-ополченцы и бойцы задержали немцев до ночи, когда к месту прорыва подошли новые части».

Разве не хороша эта правдивая картина боев за Сталинград?

«Пустынны заводские дворы. Ветер свистит в разбитых окнах. И когда близко разрывается мина, на асфальт со всех сторон сыплются осколки выбитых стекол. Но завод дерется так же, как дерется весь город. И если к бомбам, к минам, к пулям, к опасности вообще можно привыкнуть, — то значит здесь к ней привыкли. Привыкли так, как нигде».

В этой же статье товарищ Симонов показал переживания людей. Вот один эпизод с девушкой-санитаркой из Днепропетровска, которая сопровождает транспорты раненых через Волгу:

«Рядом со мной на краю парома сидела 20-летний военфельдшер — девушка-украинка по фамилии Шепеня, с причудливым именем — Виктория. Она переезжала туда, в Сталинград, уже четвертый или пятый раз...

Паром уже приближался к сталинградскому берегу.

— А все-таки каждый раз немножко страшно выходить, — вдруг сказала Виктория. — Вот меня два раза ранили и один раз очень тяжело, а я все не верила, что умру, потому что я же еще не жила совсем, совсем жизни не видела. Как же я вдруг умру?

У нее в эту минуту были большие грустные глаза. Я понял, что это правда: очень страшно в 20 лет быть уже два раза раненой, уже пятнадцать месяцев воевать и в пятый раз ехать сюда, в Сталинград. Еще так много впереди — вся жизнь, вся любовь, может быть, даже первый поцелуй, — кто знает! И вот ночь, сплошной грохот, горящий город впереди, и двадцатилетняя девушка едет туда в пятый раз. А ехать надо, хотя и страшно. И через 15 минут она пройдет среди горящих домов и где-то на одной из окраинных улиц, среди развалин, под жужжание осколков будет подбирать раненых и повезет их обратно, и если перевезет, то вновь вернется сюда в шестой раз».

Писатель мог бы представить храбрую девушку, не знающую ни страха, ни сомнений, как у нас обыкновенно бывает, но он показал человеческие чувства, человеческие переживания. Данная картина — замечательный материал для агитаторов и пропагандистов.

Характерно отметить, как в этой статье поставлен вопрос о славе и героизме. Я беру это для сравнения с тем, как подходят к этому вопросу другие корреспонденты.

Симонов пишет: «Да, здесь (в Сталинграде) трудно жить, и даже больше того: здесь невозможно жить в бездействии. Но жить, сражаясь, жить, убивая немцев, — так жить здесь можно, так жить здесь нужно, и так жить мы будем, отстаивая этот город среди огня, дыма и крови. И если смерть у нас над головой, то слава рядом с нами: она стала нам сестрой среди развалин жилищ и плача осиротевших детей.»

Агитаторы и пропагандисты должны отыскивать животворящие зерна русского слова и мысли и нести их народу.

Интересно и поучительно описание бойца нашей армии, борющегося на улицах за Сталинград. Петр Болото, один из четырех, не пропустивших отряд в 30 танков и подбивших противотанковыми ружьями 15, «вспоминая о бое, когда они подбили 15 танков... вдруг улыбается и говорит:

— Когда на меня первый танк шел, я уже думал, — конец света наступил, ей-богу. А потом ближе танк подошел и загорелся, и уже вышел не мне, а ему конец. И, между прочим, знаете, я за тот бой цыгарок пять скрутил и скурил до конца. Ну, может, не до конца, — врать не буду, — но все-таки скрутил пять цыгарок. В бою так: ружье отодвинешь и закуришь, когда время позволяет. Курить в бою можно, только промахиваться нельзя. А то раз промахнешься, и уже больше не закуришь — вот какое дело...

Петр Болото улыбается широкой, спокойной улыбкой человека, уверенного в правоте взглядов на свою солдатскую

жизнь, — жизнь, в которой иногда можно отдохнуть и перекурить, но в которой нельзя промахнуться».

Есть здесь материал для пропагандиста и агитатора? Я считаю — богатый материал. Надо только прочесть его, продумать и умело передать аудитории. Разумеется, хорошие статьи удаются корреспондентам не часто, пожалуй, преобладают корреспонденции вроде «На берегу Терека». В наших газетах часто появляются статьи в такой форме: «К вечеру, когда бой стал утихать, когда сотни немецких трупов остались в долине, когда догорали немецкие полевые орудия, все узнали..., что старший сержант Рахальский, хорошо замаскировав пулемет, открыл уничтожающий огонь по наступающим немецким колоннам и уложил 50 человек. Честь и слава старшему сержанту Рахальскому!

Все узнали, что сержант Тупотченко, пренебрегая смертью, отбил у фашистов четырех раненых бойцов и вынес их с поля боя. Честь и слава сержанту Тупотченко!

Все узнали, что в рукопашном бою красноармеец Жиенко убил шестерых немцев. Честь и слава красноармейцу Жиенко!»

Вот вам совершенно другая форма изложения. Я бы не советовал следовать этой форме. Автор, как разгулявшийся богатей, раздает честь и славу, как вяземские пряники. *(Смех.)* Это неуважение к людям, проявившим подлинный героизм, неуважение и к читателю. Ибо автор как раз и не показал людей. Он перечислил по служебной записи: такие-то сделали то-то и добавил два слова: «честь и слава». Для чего эти выкрики: «честь и слава, честь и слава»? Славой играть нельзя. Красноармеец стреляет из винтовки, пулемета, он отбивает натиск немцев и убивает их, он должен это делать, как всякий боец в условиях боевых действий.

Совинформбюро — орган правительства, отмечая героические действия тех или иных бойцов и командиров, не раздает честь и славу, как это делают некоторые наши корреспонденты. Мне думается, что эти люди не придают должного значения смыслу слов русского языка. Они не понимают, что слава не раздается, а завоевывается. Сталинград, огромный, имеющий исторические боевые традиции, город, уже два месяца в жестокой борьбе сдерживает орды врагов, нанося им такие потери, которые по существу стабилизировали остальной фронт. Здесь героическое происходит ежедневно. Это надо показывать на фактах, без риторики и громких фраз. Наши бойцы не нуждаются в похвалах от репортера, — для них лучшей похвалой есть правдивое описание их действий.

В агитации и пропаганде следует всячески избегать шумихи. Теперь не то время, чтобы аудитории можно было преподносить шумливые речи, риторику и поучительную дидактику. Это сейчас мало воспринимается. Если притти сейчас на рабочее собрание или на собрание колхозников и начать произносить высокопарные речи, поучать, то могут сказать: «Что это вы нас поучаете?» Теперь нужно толково и терпеливо разъяснять людям то, что происходит в жизни, правдиво говорить о переживаемых людьми трудностях.

Если вы будете выступать с агитационно-пропагандистскими речами без выкриков, без риторики, без наставлений и поучительности, — я понимаю, конечно, что это трудновато бывает, — то, несомненно, ваша агитация и пропаганда будут иметь более действенный характер.

Особое место в нашей агитационной литературе занимают статьи Эренбурга. Я считаю, что у него можно поучиться и многое извлечь для агитации.

Как нужно относиться к статьям Эренбурга? Эренбург ведет рукопашный бой с немцами, он бьет направо и налево. Это горячая атака, и он бьет немцев тем предметом, который ему в данный момент попался в руки: стреляет из винтовки, вышли патроны — бьет прикладом, бьет по голове, куда попало. И в этом главная военная заслуга автора.

Можно ли из его статей пропагандисту и агитатору извлечь хороший материал? Безусловно, можно. Конечно, надо брать не одну какую-либо статью, а взять три-четыре-пять фактов, продумать их и использовать применительно к определенным условиям. Нельзя только подражать тому, что сказано, а нужно всякий материал проработать в своей голове.

Как видите, материал в нашей печати все-таки имеется. Есть ряд неплохих военных статей, особенно в «Красной Звезде», которые могут быть вполне использованы. Они хорошо написаны и могут послужить неплохим материалом для агитатора и пропагандиста, в особенности комсомольца.

Я хотел бы вам посоветовать в агитации и пропаганде избегать употребления вычурных слов. У нас любят иногда к этому прибегать. Например, в прессе часто встречается выражение «сверхметкий стрелок». Некоторые люди, вполне владеющие русским языком, задавали мне вопрос: «Скажите, как же он стреляет, что он сверх цели, что ли, стреляет?» Конечно, такой вопрос звучал ядовито. Кто-то употребил это вычурное выражение, и оно пошло гулять по газетам. Но это слово не выражает определенного смысла. Ведь если охотнику, который очень метко бьет дичь, сказать, что он сверхметкий стрелок, то он на

это только рассмеется. В самом деле, что может означать такая «сверхметкость»? Что данный человек выполняет что-то сверх плана, сверх 100 процентов? Имейте в виду, что при этом теряется мерило меткости. Это выражение неправильно как с точки зрения русского языка, так и по существу. К тому же оно и вредит делу. Почему? А вот почему. Предположим, сверхметкий стрелок дает 100 процентов попадания, ведь сверх 100 процентов попадания дать нельзя, тогда, значит, человек, имеющий 80 или 90 процентов попадания, будет метким стрелком, при 70 процентах — хорошим, при 60 процентах — удовлетворительным. Вот к чему это приводит. А все это происходит от того, что люди не придают значения смыслу слов, и употребление таких слов, как «сверхметкий», показывает лишь стремление к вычурности, а в результате приводит к бессмысленности. Агитаторы и пропагандисты должны избегать надуманных слов, — они ни к чему.

Нередко в газетных заметках можно встретиться с хвастовством. Недавно я прочел в газете описание одного боевого эпизода, в котором говорится, как командир роты лейтенант такой-то провел наступление в соответствии с возможностями роты и взял населенный пункт. Рассказав о всех стадиях боя, корреспондент добавляет, что лейтенант взял данный населенный пункт по-суворовски. Можно ли в данном случае так сказать? Можно, конечно, но все же термин «по-суворовски» нужно применять очень осторожно. Если мы будем применять этот термин к каждому относительно небольшому боевому действию взвода, роты, то этим мы снижаем его значение. Выходит, что действия Суворова — великого полководца, прославившегося в ряде блестяще проведенных военных кампаний, — корреспондент приравнивает к важному, но относительно ограниченному по своим масштабам боевому действию.

Мы должны лейтенантов поднимать до Суворова, а тут вдруг за одно удачное действие сразу окрестить — «по-суворовски». Получается как будто бы хлесткое выражение: ах, по-суворовски, кажется и коротко и хорошо, а слушателя вряд ли вы этим удовлетворите. Надо, чтобы слова были действенными, чтобы выражения, оценка поступков человека были поскромнее, чтобы люди, которым вы их говорите, чувствовали, что слова сказаны не под настроение, а продуманно слово за словом.

Я хочу обратить ваше внимание еще на одно выражение, которое довольно часто употребляется в корреспонденциях. Поскольку это выражение встречается почти каждодневно, оно может крепко запасть в память, а между тем оно также не

совсем правильно и кое-кого путает. Корреспонденты сообщают: данная часть не отступила ни на шаг. Раз так сказали, два сказали, и пошло. И в то же время читают корреспонденцию с фронта, в которой говорится, что часть осталась на своих позициях, и думают: тут не сказано, что не отступили ни на шаг, а может быть, они все же отступили. *(Смех.)* Так вот, товарищи, когда говоришь или пишешь, особенно когда пишешь, надо думать не только о том, как сам понимаешь то или иное событие, а и о том, как его воспримут другие. В то же время призыв «ни шагу назад» имеет большой смысл, так как именно опасен первый шаг отступления, за которым неумолимо идет дальнейший отход.

К слову нельзя относиться небрежно. Небрежность в выражениях будет только мешать влиянию агитаторов и пропагандистов.

Все это я говорил о военной пропаганде. А как обстоит дело с нашей агитацией и пропагандой в тылу?

В том же номере «Красной Звезды», где была помещена статья Симонова, о которой мы говорили, была также помещена статья К. Финна: «Женщины города Иваново». Должен сказать, что все мы сейчас так заражены мыслями и переживаниями, связанными с войной, что не всегда читаем статьи, в которых излагается жизнь и работа в тылу. А статья хорошая. Конечно, как и вся наша жизнь, она связывает тыл с фронтом. Автор рассказывает, как он встретился в сквере с женщиной лет тридцати, которая рассказала ему о постигшем ее горе, о том, как она это горе восприняла и переносит.

«— Я вчера известие получила. Мужа моего убили на фронте. Вечером пришло письмо. Я только с работы явилась...

Она прожила с мужем двенадцать лет душа в душу. Детей у них не было.

— Так он мне и как муж и как сын. Как-то я его любила особенной любовью. Если бы вы знали, какой он...

Она не могла произнести слово «был». Так, избегая этого слова, страшась его и вместе с тем страшась также говорить о муже, как о живом, смятенно, рваными фразами, похожими на выкрики, но без единой слезы, она рассказала о том, как, получив письмо, потеряла сознание, а когда пришла в себя, бросилась бежать из дома. Куда? Она не знала. Она шла по темным улицам Иванова, по городу, где родилась, где знала каждый камень, каждый дом. Было темно, но она нашла все те места, где раньше бывала с мужем, вспоминала о том, что говорил он ей вот тут, на углу Социалистической улицы, или вот тут, на скамейке сквера у городского театра. И на мгновение

ей казалось, что ничего не случилось, что вовсе не было никакой войны, что ее Вася жив, что он с ней. А потом снова приходило горе. — А сегодня я вышла на работу. Я на толстом банкаброше работаю. Боялась, что не выйду, сил нехватит. Поборола себя. Сама себя уговорила: «Иди на работу, Маруся. Для него иди, для него, для Васи. Он одобрит». Я работала сегодня и чувствовала, что он, мой родной, стоит около меня. А подруги смотрят на меня, так виду не показывают, а за спиной моей тихонько плачут. И вот иду я сейчас с работы. И представьте себе: боюсь, как бы не пройти мне теми местами, где мы с Васей ходили».

Или вот повесть автора о том, как зародилась связь между батарейцами и ивановскими комсомольцами:

«Дуся Лебедева в числе других работниц ездила на фронт, отвозила подарки бойцам и командирам. Ей пришлось побывать на одной из батарей.

— Очень хорошенькие там и молоденькие ребята. Проворные. А как действуют замечательно! Когда я там была, они немецкую кухню полевую разбили, а с ней вместе двенадцать фрицев. «Пожалуйте, — говорят мне, — Дуся, вот вам и небольшой подарочек в честь вашего приезда». А что меня поразило, так это чистота. Орудия у них прямо-таки языком вылизаны. Вообще большая аккуратность чувствуется на батарее.

И тогда же Дусе пришла мысль в голову о том, что стоит поближе связаться с артиллеристами, связать с ними свою бригаду девушек узами подлинной сердечной дружбы. Но Дуся тогда постеснялась сказать это артиллеристам. Только приехав в Иваново, посоветовавшись со своими девушками, она решилась и написала письмо бойцам батареи, которым предлагала соревноваться: «Вы бейте фрицев, а мы будем перевыполнять план».

Неправда ли, написано правдиво, а значит и хорошо, лишь сумейте так же и использовать. Это для агитатора прямая находка.

Или вот, например, автор описывает, как установилась переписка этих девушек с теми батарейцами, которые не получают писем. Агитатор не должен пройти мимо этого факта, столь важного в обстановке войны.

«Однажды девушкам написал новый военком батареи тов. Мальцев. Вот конец его письма: «Да, еще одна просьба (по секрету). У меня есть бойцы, довольно хорошие ребята, не имеющие переписки с домом по причине, сами представляете какой. Они довольно тоскуют, особенно, когда приходит почта, а письма им нет. Это действительно тяжело. Прошу вас, Дуся, продумать это и прислать мне хотя бы три-четыре адреса ваших девушек. Это даст мне возможность дать моим бойцам

эти адреса и избавить бойцов от томительного ожидания. Прошу не посчитать это за грубость, а принять как просьбу для общего дела. А там уж бойцы сами предрешат направление этой переписки.»

Дуся послала адреса. Завязалась переписка. И сейчас, когда приходит почта на «нашу батарею», письма получают не только те, кто имеет близких людей, а и те, чьи родные дома и села разрушены проклятым врагом.

Наверное, и бойцы «нашей батареи» в часы досуга говорят про девушек из далекого Иванова и называют их «наши девушки».

Затем автор приводит еще ряд эпизодов из жизни ивановских работниц. Описывает их жизнь и работу конкретно, реально, чувствуется, что здесь дан кусок подлинной жизни. Ничего нарочито не подчеркнуто, не натянуто. Это полезная статья для пропагандиста и особенно для агитатора. Вы считаете меня опытным агитатором. Я-то себя не считаю таким *(Смех)*, но я не смогу столько вам дать, сколько дадут эти статьи, если вы к ним серьезно отнесетесь и продумаете.

Такие статьи и все то новое, что появляется у нас в печати, с моей точки зрения ценное и новое, вырабатывающее те формы агитации, которые наиболее действенны на сегодняшний день, появляются, скорее, в военной прессе. Видимо, военная пресса ближе к тем переживаниям, которые связаны с фронтом.

Вот, товарищи, и все, что я вам хотел сказать.

Как же сформулировать итоги нашей беседы? Я думаю так: наша пресса дает достаточный материал, нужно только умело его использовать. У нас есть способные авторы. Я останавливался только на статьях, вышедших за последние дни. Я не останавливался на пьесе Корнейчука «Фронт»; она имеет большое значение, дает ориентировку во многих вопросах, дает материал, над которым стоит подумать. Время, которое мы переживаем, очень суровое. Люди, как я уже говорил, выполняют огромную работу, которая поглощает все их силы. А вместе с тем жизненные условия, бытовая обстановка людей понизились. Геройства, мужества, стойкости в нашем народе столько, что нет никаких оснований что-то создавать искусственно, что-то рекламировать; достаточно только брать материал из жизни народа, армии и говорить с чувством полного сознания о тех трудностях, которые несет народ, и о необходимости во что бы то ни стало побить врага. Если вы будете с такими материалами выступать перед народом, то я ручаюсь, что такой способ агитации будет наиболее действенным и будет иметь наибольшее влияние. *(Аплодисменты.)*

СЛОВО АГИТАТОРА НА ФРОНТЕ[1]

Каждый агитатор стремится проводить задушевные беседы. Что же такое задушевность? Я знаю, что часто агитаторы идут к бойцам с преднамеренной целью — поговорить с ними по душам. И вот уже одно то, что агитатор заранее ставит перед собой такую цель, делает беседу незадушевной. А если бы агитатор зашел к бойцам чайку попить, затеял с ними разговор о том, о сем, а затем затронул какой-нибудь интересующий их вопрос, вот тогда беседа приняла бы действительно непринужденный характер.

Другой пример. Если человек провинился и вы отечески пожурили его, прочитали нотацию, а потом сказали: «Ну ладно, об этом я никому не скажу, но имей в виду, что если провинишься еще, то я уже скрыть не могу», — вот это тоже будет задушевность. Когда же человек приходит со специальной целью поговорить задушевно, это почти никогда не удается.

Говоря о непринужденной беседе, я имею в виду, что люди ничем не связаны, спрашивают вас обо всем, что интересует, и не чувствуют, что агитатор пришел к ним с определенной целью. Известно, что у агитаторов есть много заданий по специальной тематике, и их тоже нужно выполнять. Но в непринужденной беседе, о которой мы говорим, тема всплывет как бы непроизвольно.

Надо стремиться к тому, чтобы вызвать людей на обмен мнениями, натолкнуть их на спор, с тем, чтобы вы были вроде судьи, устанавливали, кто из них прав.

Непринужденность не означает, что беседу не надо направлять. Направлять надо, но делать это следует так, чтобы люди не чувствовали, что вы пришли к ним с определенным заданием.

Но будет вполне законно, если вы, придя к бойцам, скажете: «Сегодня я пришел провести беседу на такую-то тему». Ведь нельзя же всю агитационную работу строить на одних

---

[1] Сокращенная стенограмма беседы с агитаторами-фронтовиками, состоявшейся 8 апреля 1943 года.

непринужденных беседах. Однако, на какую бы тему ни пришлось говорить, вы должны бить в одну точку: нам нужно разбить немцев, а для этого сделать все возможное и невозможное.

Сама форма беседы зависит от обстановки. Если аудитория большая, то беседа может принять форму лекции или митинга. Если вы пришли в блиндаж, можете построить беседу в виде ответов на вопросы. Если же хотите, чтобы у бойцов по какому-либо вопросу осталось более цельное впечатление, можете ограничить себя только этим вопросом и предупредить слушателей, что разговаривать с ними будете только на эту тему, а о других вопросах поговорите потом.

Хочу обратить ваше внимание на то, что агитатор должен опасаться выставлять себя более знающим, более умным, чем окружающая его масса. У меня многолетний опыт пропагандиста и агитатора, и я знаю, что если люди хоть чуть-чуть заметят, что агитатор гордится, считает себя умнее их, то такой агитатор пропал, не будет к нему доверия. С красноармейцами вам надо разговаривать как с людьми, которые все понимают. А если кто-нибудь из них скажет, что он не понимает чего-либо, то вы всегда ему можете возразить: «Что ты прикидываешься, разве у тебя вместо головы кочан капусты? Я вижу, что ты все понимаешь не хуже меня, а просто хитришь». Нельзя относиться к людям пренебрежительно. Пусть про бойца говорят: «Он тумак, ничего не знает», а вы скажите: «Знаем мы этих тумаков, посмотрите-ка еще, какой боец из него выйдет. Вы-то уже побыли на фронте, научились, ну и он таким же будет». Вот если вы будете так подходить к людям, то они к вам будут относиться с уважением.

Вам многое могут простить, но зазнайства никогда не простят, а главное — умным считать не будут. Вот вы, например, узнали, что боец на фронте уже давно, а еще не убил ни одного немца. К этому факту можно подойти по-разному. Один агитатор начнет бойца укорять, другой напомнит, что вот другие убили уже по нескольку человек. А я бы сказал примерно так: «Что ж, каждый красноармеец, пожалуй, и не может убить немца; если бы убивали все, так мы давно бы всех немцев перебили. Но все-таки лучше, если бы все бойцы убивали. Война есть война. Немцы хотят нас уничтожить, а мы их. Поэтому каждому бойцу надо стремиться во что бы то ни стало убить врага».

Агитатору нужно быть правдивым. Не рисуйте бойцам розовых картинок, показывайте действительность такой, какой

она есть, не бойтесь показывать трудности, ведь вы имеете дело со взрослыми, понимающими людьми.

Самое трудное в агитационной работе — научиться говорить как следует. На первый взгляд кажется: что тут мудреного, ведь человек с двух лет начинает говорить! На самом деле это — большое и трудное дело. В чем же тут трудность?

Агитатор должен передать свою мысль ярко, чтобы она произвела впечатление и именно такое, какого хочет агитатор. В то же время вы должны изложить мысль коротко, потому что у вас мало времени. Мысль должна быть ясной для слушателей и понятной каждому из них. Все это очень трудно.

Языку надо учиться у классиков. Возьмите Тургенева. Где вы найдете такое, как у него, описание внешности героев его произведений? Пусть предложат каждому из вас описать хотя бы свою жену. Найдете вы для этого нужные слова? Не каждый это сумеет сделать, хотя знает близкого человека очень хорошо. Напишут общие слова. Но ведь от агитатора требуется большее: нужно, чтобы описание получалось у него красочным.

Язык для агитатора — это все. Вы разговариваете с бойцами об известных им вещах. Следовательно, вы только тогда заинтересуете их, если расскажете об этих вещах хорошо и ярко. Я не употребляю слово «красиво», потому что у нас часто увлекаются фразами, думая, что это очень хорошо, а на самом деле очень скверно сыпать трафаретными фразами. Я знаю агитаторов, которые могут говорить часа по три, но после их выступлений у слушателей в голове ничего не остается, кроме отдельных выкриков, потому что мысли в выступлениях не было. А перед вами бойцы, простые люди, которые прошли с боями тысячи километров, видели много тяжелого, так что им общие да еще пышные фразы — нож к горлу. Им надо, чтобы агитатор ясно и коротко излагал определенные мысли. Причем хорошие мысли никогда не мешает повторить. Ничего, если вам, например, скажут: «Что это ты все про окапывание заладил?» А вы на это ответьте: «До тех пор буду вам говорить об этом, пока вы окопы не научитесь рыть; жалко мне ваших голов, если они зря погибнут».

Агитатор должен быть развитым человеком. Ему надо много читать и много над собой работать. Я бы сказал, что все свободное время агитатор должен уделять чтению. Читайте произведения наших писателей-классиков. Читайте произведения Ленина и Сталина. Учитесь вести агитацию по-сталински. Товарищ Сталин — очень хороший агитатор. Как он умеет говорить с народом!

Готовиться к беседам нужно всегда, даже если агитатор хорошо образован, начитан и знаком с военным делом. Ведь наши знания все-таки ограничены, и поэтому каждый раз надо основательно готовиться, используя свои знания с максимальной пользой. Поэтому я за то, чтобы почаще проводить тематические беседы, так как они дают больше знаний и дисциплинируют людей. Но когда почувствуешь, что тематика приелась, что хочется поговорить попросту, тогда идите к бойцам чайку попить и беседуйте с ними по душам, непринужденно.

Но даже и к непринужденной беседе нужно быть подготовленным, потому что во время нее вам могут задать целый ряд вопросов. Не увиливайте от ответов и не старайтесь обойти заданный вопрос. Но и не бойтесь, если на какой-нибудь вопрос не сможете ответить. Прямо скажите: «Не знаю, поищу ответ в книгах; если найду, скажу вам».

Иногда спрашивают: «Вот у нас среди бойцов, особенно старших возрастов, есть верующие, которые носят крестики, читают молитвы, а молодежь поднимает их на смех». Надо помнить, что мы за религию никогда не преследуем. Мы считаем ее заблуждением и боремся с ней просвещением. Так как религия охватывает еще значительные слои населения, а некоторые люди глубоко религиозны, то насмешками с ней не поборешься. Конечно, если кто-то из молодежи посмеется, то это еще не так страшно; важно, чтобы насмешки не перешли в издевательство, вот этого допускать нельзя.

На что сейчас агитаторам нужно обратить особое внимание?

Больше всего надо пропагандировать организованность. Как это делать? Возьмем такой простой пример: подошло время обеда, а кухни на месте нет, ее надо где-то разыскивать. Если вы такое положение увидели, вот вам и готовая тема для беседы об организованности. Обсудите, как добиться того, чтобы кухня всегда была на своем месте, и как это наладить. На такой беседе неплохо как следует ругнуть расхлябанность, с которой до сих пор еще нужно бороться. Если бы я был агитатором, так я бы 90% времени употребил на развитие этой темы.

Главный наш недостаток — благодушие. Часто мы еще беспечны, думаем: «А, ладно, как-нибудь и так обойдется». Все мы знаем: если часть занимает позицию, то она должна употребить максимум усилий, чтобы ее закрепить и удержать, а при наступлении сделать все, чтобы оно было эффективным и прошло с наименьшим количеством потерь и жертв. А у нас нередко делается с ходу, и в итоге получается плохой результат. Благодушие нужно решительно изгонять.

В первый период войны мы имели много трудностей потому, что не организовывали как следует бой, тогда как именно все дело в том, что бой нужно организовывать. Все военные работники должны быть великолепными организаторами. Раньше многие командиры думали, что бой надо организовывать на командном пункте. Но это ведь последняя стадия организации. Когда командир во время боя встал на командный пункт, то тут он уже пожинает результаты своей предварительной работы.

Я считаю очень важным прививать бойцам чувство осторожности. Не дело, когда во фронтовой обстановке люди рассаживаются обедать на открытом месте. Упадет в такое место снаряд и наделает беды. Люди будут убиты, а на их место надо новых ставить. Нужно вам, агитаторам, очень сильно бороться с теми, кто спустя рукава относится к опасности.

Надо вам также агитировать за развитие военной хитрости и уменья. Я напираю на слово «хитрость», потому что вы имеете дело с красноармейцами, у которых поле деятельности ограничено. Бойцам надо внушать, что они должны обдумывать свои действия, стараться все сделать как можно лучше и по возможности объегорить врага. Вот снайперство ценно, между прочим, тем, что оно приучает людей к обдумыванию своих действий, вырабатывает у них, так сказать, охотничьи качества. Снайпер стремится убить противника, а противник — его. Поэтому снайпер должен быть во всеоружии хитрости; ему надо уметь маскироваться, обладать зоркостью глаза, твердостью руки. Нужно, чтобы эти качества вырабатывались не только у снайперов, но и у всех наших бойцов.

Обратите внимание на приучиванье бойцов к отрыванию окопов. У нас иногда стремятся избежать этой работы, особенно при наступлении. Бойцы говорят: «Зачем рыть окопы, когда через полчаса они будут не нужны?» А вы им внушайте, что эта работа нужна всегда и что даже если окоп и не понадобится, то это школа, очень нужная при той борьбе, которую мы ведем.

Я считаю также, что вам нужно оказывать больше внимания раненым. Раненые нуждаются в теплом слове, в участии, и вот тут вы и проявите задушевность. Хорошее отношение раненый боец навсегда запомнит и расскажет об этом в тысяче мест. В результате слово, сказанное потихоньку, разнесется далеко.

Вы должны воспитывать у красноармейцев уважение к убитым, почет к ним. Как относятся к умершим в народе? Когда человек умрет, около него говорят шопотом. Почет убитым отдавать нужно, и этот порядок должны вводить вы, агитаторы.

Я написал председателям исполкомов о том, что все братские могилы должны быть приведены в порядок и нужно это дело поручить пионерам. Вы у себя в частях должны добиваться, чтобы хоронили как полагается, чтобы над могилой холмик насыпали. Конечно, когда армия идет вперед, то это не всегда возможно, но ведь агитаторы имеются и во вторых эшелонах. Агитируйте и следите за тем, чтобы красноармейским похоронам придавался по возможности торжественный характер. Это будет оказывать влияние на воспитание людей, будет учить их любви к защитникам родины.

Агитатор всегда должен быть вожаком масс, вести их за собой. Особенно велика роль агитатора во время боя. Бывает так, что и хорошая часть, понеся большие потери, утрачивает веру в свои силы. В такие моменты агитатор может поднять дух бойцов и добиться перелома в ходе боя.

Агитатор всегда должен оценивать обстановку, взвешивать, среди каких людей ему приходится действовать. Вы имеете дело с бойцами, дисциплинированными людьми, но эти люди несут огромные тягости. Это надо учитывать, как и то, что люди различны по национальности, по возрасту, по характеру. Со всем этим агитатор должен считаться.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПРОПАГАНДЕ И АГИТАЦИИ[1]

Товарищи! Мы заслушали выступления шести ораторов, и думаю, что они выступали так, как приблизительно выступали бы все остальные секретари партийных организаций, собравшиеся здесь.

В чем характерная черта секретарей наших первичных партийных организаций? Это их практицизм. Вы заметили, что все выступающие товарищи ставят вопросы практически. Это не дурная черта. Большевизм никогда не упускает практической стороны. Деловитость — это положительное качество работника. Но вместе с тем мне кажется, что секретарям маловато останавливаться только на одной практической стороне, им следовало бы делать и некоторые обобщения. Надо приучаться обобщать.

Перечисление, подведение итогов — хотя эта работа и нужная — все же только одна из частей работы. Коммунисты тем и отличаются, что сумму практических вопросов, сумму практических задач они обобщают, связывают их в целое. И вот, если оглянуться на вашу практику, попробовать немножечко ее обобщить, то мне кажется, что вы отделяете партийную, общественную работу от производственной работы. Вы как будто бы считаете, что человек может быть великолепным производственником, преданным коммунистом, но, пока он не работает в кружке, пока он не выступает на собрании, не агитирует, он не занимается общественной работой.

Вот такой подход, отделяющий общественную работу от производственной, государственной, мне лично кажется (я подчеркиваю — лично), не очень отвечает задачам самого производства, характеру нашего государства. Пожалуй, такой подход был бы больше свойственен коммунистам в старое время. Почему? Да потому, что до революции производственная работа шла на капиталистов, а наша агитация была направлена целиком против капиталистов, а теперь производственная работа —

[1] Речь на совещании секретарей парторганизаций гор. Москвы, созванном редакцией журнала „Партийное строительство“ 12 января 1944 года.

это одна из важнейших государственных задач, это самая важная работа в наше время.

Заметьте, когда я в старое время работал на Путиловском заводе, я этим укреплял капиталистов, тогда мы вправе были резко разделять производственную работу от партийной. Тогда, если я перевыполнял производственные показатели, то мне на законном основании товарищи могли бы сказать: «Ишь, ты, зарабатываешь, и вечерами работаешь — капиталистов поддерживаешь, а на собрания не ходишь, партийную работу запустил». И это было бы естественно, но только в то время. А сейчас? Представим себе сейчас человека, который не сделает работу на производстве, все отложит на завтра, а соберет кружок и других людей оторвет от работы, потащит на занятия и таким образом будет партийную работу проводить. Конечно, никто такого человека не будет считать хорошим коммунистом. Это и понятно, потому что мы сейчас работаем не на хозяина, а сами стали хозяевами нашего социалистического государства. И само-то производство стало общественным производством, государственным.

Поэтому, если бы я был секретарем, я бы считал, что основная партийно-общественная нагрузка человека это — его производственная работа. Если у человека производственные результаты неудовлетворительные, а все остальные показатели хорошие, я бы сказал, что он плохой коммунист.

По вашим выступлениям я чувствую, что вы в практике проводите мою мысль, но прямо боитесь это сказать, как бы вам не нагорело за то, что вы превратились в хозяйственников. По выступлениям чувствуется, что вы люди культурные, знающие, но все-таки ни один из вас не сказал, что он производственную работу в наших социалистических условиях, да еще в военное время, рассматривает как важнейшую партийно-общественную работу, как работу, которая укрепляет советский строй.

А почему бы не поставить глубоко принципиально, партийно вопрос — разве работа, укрепляющая советский строй, работа, которая наносит величайшие удары нашим врагам, работа, которая по всему миру славит имя Советской страны, а иначе говоря, социалистический строй, — разве такая работа не коммунистическая работа, не партийная работа? Разве наши производственные достижения, наши культурные успехи — это не коммунистическая, это не партийная работа? Ведь есть пропаганда словом, а есть пропаганда делом. Пропаганда и агитация делом — более реальны. Это везде почти у нас говорят — пропаганда и агитация делом — самая действенная пропаганда.

Так вот наши производственные успехи и есть пропаганда делом.

Я вам приведу такой пример: вот сейчас на фронте, что считается важнейшим требованием для достойного кандидата партии? (*Голос с места:* героизм.)

Героизм, правильно. Хорошие боевые действия. А ведь это внешне не партийная работа. Вот видите, героизм, беззаветность в борьбе является важнейшим элементом для оценки качеств человека при вступлении его в партию.

Теперь давайте проведем аналогию. Если вы допустили, что высокие боевые действия на фронте являются большим партийным делом, являются коммунистическим делом, то вы согласитесь и с тем, что снаряды, пушки, пулеметы, которые мы производим, есть такое же кровное наше дело, непосредственная борьба за наши цели. Производственная сторона это — первая основа, я бы сказал, это святое святых современной партийной работы. И вот, когда вы агитируете, пропагандируете, воспитываете людей, — это надо всегда помнить.

Вы знаете из докладов товарища Сталина, из произведений Ленина, как важно на каждом этапе развития уметь брать основное звено. И в агитации, в пропаганде, и в воспитании партийности надо брать это основное звено. Какая основная, решающая задача стоит сейчас перед всем советским народом? Борьба с немецкими оккупантами. Поэтому, где бы вы ни агитировали, какую бы вы работу ни проводили, с каким бы человеком ни разговаривали, наша агитация и пропаганда в данное время всегда должна сводиться к основному — чтобы все и всеми силами помогали осуществлению этой главной всенародной задачи — разгрому немецких захватчиков.

Если вы готовитесь к своей агитационной работе в партийном кабинете и набираетесь там коммунистической мудрости, то вы должны подбирать тот материал, искать те исторические аналогии, которые бы вас обогатили, дали вам возможность лучше растолковывать, разъяснять массам современное состояние нашей страны и задачи каждого в борьбе с фашизмом. Ведь наша жизнь сейчас так богата замечательными фактами, что каждый агитатор,- от самого маленького до самого крупного может там найти бесконечное количество материала яркого, живого, непосредственно касающегося текущих событий.

Возьмите хотя бы вчерашний номер газеты. Там помещено заявление нашего правительства, сделанное им через ТАСС, по польскому вопросу. Это ведь богатейший материал. Притом это сообщение так ярко составлено, так понятно изложено для каждого. На нем можно построить великолепнейшую беседу. Обра-

тите внимание слушателей на то, что уже неоднократно говорилось, — что войну мы ведем справедливую. В своей первой речи в самом начале войны товарищ Сталин подчеркнул, что мы ведем защитную, справедливую войну. Сейчас наша армия находится в лучшем положении, чем когда-либо в настоящей войне, а немцы, за последние пять лет, никогда не были в более худшем положении, как сейчас. И вот в это время посмотрите, как наше правительство идет навстречу Польше, польскому народу. Вы можете при этом, конечно, проследить историю советско-польских отношений, подобрать и привести соответствующий исторический фактический материал, который вы сможете получить в том же парткабинете.

При таком методе люди научатся по-марксистски подходить к пониманию международных вопросов, будут постепенно накапливать опыт для своей повседневной партийной работы.

Что значит партийная работа? Конечно, организационно мы разделяем области работы и называем их: партийной, профессиональной, хозяйственной и т. д. Каждая из этих отраслей работы имеет свои особенности.

Какими же особенностями отличается партийная работа от всех остальных? Мне кажется слишком узким такое понимание, что ее отличие состоит в том, что она занимается лишь только агитацией, пропагандой, коммунистическим воспитанием в узком смысле слова. Партийная работа заключается в том, если можно так выразиться, что она в каждую работу, даже самую техническую и механическую, вносит дух партийного понимания, партийный подход.

Например, токарь делает простую механическую работу. Но для нас далеко не безразлично, выполняет ли он эту работу так же, как выполнял бы, работая на частном предприятии за определенную плату, не связывая с ней общественного понимания всей важности этой работы, или чтобы наш токарь, делая ту или иную деталь, был бы проникнут мыслью, что он вместе с тем делает и большое государственное дело, работает на оборону страны, что его изделия идут на фронт, где их используют для борьбы с врагом, и чем лучше изделия он выпускает, тем эффективнее участвует в борьбе с немцами. Значит, он себя рассматривает не изолированно от общих политических задач, а как составное звено в общей борьбе, в общих государственных мероприятиях.

И в связи с этим я хочу поделиться с вами еще одной мыслью. У нас часто о том или ином коммунисте говорят, что это глубоко партийный человек. Но вы припомните: разве этот термин применяется только к агитаторам и пропагандистам?

Чтобы быть глубоко партийным человеком, не обязательно быть только агитатором или пропагандистом, а нужно нечто другое, а именно партийное поведение в политической, общественной и даже в личной жизни. Возьмем опять того же токаря. Если он свою работу связывает с целым, если вкладывает в нее всю свою энергию, силу, умение, понимая, что этим он также защищает Советскую страну, а поэтому он не считается ни с временем, ни с трудностями, ни с неполадками, которые связаны с производством, то он подходит к своей работе партийно, и я бы сказал, что этот товарищ — глубоко партийный человек, и производственная работа у него вместе с тем является и партийной работой, поскольку он связывает ее с целым.

Я вам приведу пример из прошлого. В партию тогда вступали некоторые люди, которые, когда на них падала простая техническая работа, скажем, разноска прокламаций, или содержание конспиративной квартиры, или какая-нибудь другая техническая работа, то те, кто потом быстро отходил от партии, не удовлетворялся такой работой, им хотелось быть агитаторами, пропагандистами, т. е. они стремились к политическому блеску, а приходилось выполнять очень невидную, будничную работу. Но ведь такие дела тогда были самой необходимой для партии работой.

Да, наконец, пусть товарищи вспомнят из истории партии, что товарищ Сталин в Баку организовал подпольную типографию. Что же вы думаете, товарищ Сталин организовывал это дело агитацией, пропагандой, писанием воззваний? Нет, в условиях самодержавного режима и полицейского надзора это было огромной организационной, но в то же время и технической и самой будничной работой, так как надо было разрешить много именно технических дел: найти помещение для типографии, достать шрифт, организовать доставку готового материала и т. д. Скажите, партийная эта работа или нет? Таким образом вы видите, что партийность или партийная работа не связаны с видами работы, а с тем, на что она предназначается. Если эта работа не помогает делу рабочего класса, то она бесполезна и непартийна.

А теперь скажите: в нашей Советской стране какая производительная работа и в особенности работа на предприятиях, в колхозах и в учреждениях не укрепляет советский строй? Как видите, в политической работе партийность определяется не организационным распределением работы (что организационно совершенно правильно), а внесением партийности во всякую общественную, производственную, служебную работу.

Конечно, этим я не хочу умалить необходимость изучения

марксизма-ленинизма, что, по существу говоря, и дает возможность партийного подхода в практической жизни к каждому делу.

Один из выступавших здесь товарищей заявил, что он находится в затруднительном положении в отношении приискания всем коммунистам его завода партийно-общественной работы ввиду многочисленности данной партийной организации. Я считаю это недоразумением.

Тут рассказывали о том, что инженер-изобретатель, которого приняли в партию, пришел в партбюро просить общественную работу и ему дали вести пропагандистский кружок. Пришел другой, тоже квалифицированный инженер, для него кружка уже не оказалось, и парторганизация не знала, какую общественную нагрузку ему придумать.

Я бы поступил иначе, сказал бы ему: «Организуй кружок по изобретению, будь там руководителем. Может быть, вы там и ничего не изобретете, а может быть, кое-что и сделаете». Может быть, некоторые из вас и не будут считать это партийной нагрузкой, а я бы счел именно за партийную работу. Ведь если настоящий изобретатель, то он одержим одной мыслью, все его мышление направлено в одну сторону. Так зачем же я буду отвлекать его от этого? Дайте ему наиболее подходящую работу, пусть он организует кружок, где будут заниматься изобретательством. И я бы считал это партийной нагрузкой. Другой инженер, если он хороший агитатор, он будет вести агитационно-пропагандистскую работу, а если он не склонен к этому, то надо подобрать ему такое дело, где он будет наиболее полезен.

Поэтому не стоит беспокоиться, что работы не хватит, а надо дать возможность проявления инициативы, немножко раскинуть умом — и вы сами увидите, что людей мало для того, чтобы переделать всю работу.

Тут говорили о воспитании коммунистов. Как воспитывать партийность в человеке, недавно принятом в партию. Это зависит от вас, от направления, которое вы дадите.

Здесь один товарищ рассказал, как на собрании укоряли молодых коммунистов за то, что они нерегулярно уплачивают партийные взносы. Это вопрос как будто бы сугубо практический. Конечно можно просто изругать людей, указать им, что они недисциплинированные, плохие коммунисты и пр. Но этот же вопрос можно поставить и принципиально. Сказать людям: «Вы сами понимаете, что если просрочить взносы в партию на месяц и два, для партии это существенного значения иметь не будет, от этого ее денежная касса не пострадает. Наша партия — теперь не бедная партия. И не потому мы с вами разго-

вариваем по этому поводу, что из-за вашего запоздания со взносами мы не смогли послать своевременно наш партийный отчет. Не в этом дело. А дело в том, что если вы не вносите партийных взносов своевременно, то это значит, что вы не думаете о партии, что вы к партийным обязанностям относитесь спустя рукава. Тот же, кто к партийным обязанностям, да еще к таким простым, строго организационным, как внесение партийных взносов, относится таким образом, — у того, значит, партия не сидит глубоко. Ведь тот, кто думает о партии, для того внесение партийных взносов — удовольствие, потому что этим он как бы устанавливает материальную связь с партией, как будто бы к ней прикасается».

Видите, товарищи, и я и вы одинаково подходим к этому вопросу, одинаково мыслим, но я хотел вам показать, как можно ополитизировать простое действие. Если так подходить к делу, то простой вопрос о партийных взносах превращается в политику.

При таком подходе на собрании сейчас же и ораторы найдутся, которые вам станут приводить всякие примеры, может быть, даже станут возражать, что это уж не так важно, что можно-де за партию умереть, а взносы забыть внести и т. д. И вот у вас пойдет обсуждение принципиальное.

Видите, когда по строго практической линии направляем тот же самый вопрос, только языком фактов говорим, то меньше доходит, а когда даешь обобщение, оценку политическую, — это воспитывает.

Я замечаю, что вы партийную работу с молодыми коммунистами, воспитание коммунистов связываете только с учебой. Заниматься учебой, конечно, неплохо. Я не против учебы. Учить надо. Но воспитание и обучение — не одно и то же в строгом смысле слова.

Можно добиться, что человек и программу партии выучит, и устав будет знать, и формальности выполнять, а все-таки он не коммунист. Дуб он, а не коммунист. Слышали, иногда про кого-нибудь говорят, что это дуб-человек? (*Голос:* дубина.) Нет, это — несколько иное. Дубина — это ругательство, а дуб — это человек с слишком прямым, не гибким мышлением, без эмоций, не понимающий и не чувствующий юмора, иронии. О таком человеке говорят — это настоящий дуб.

Воспитывать гораздо труднее, чем учить, давать образование, ведь воспитатель влияет на воспитуемых не только тем, что дает им определенные знания, но и главным образом своим отношением к обыденным явлениям.

Тут тов. Бодрова рассказала про тяжелую жизнь одной работницы, которой они помогли и этим сразу подняли ее на-

строение. Я должен сказать, что это не только хороший партийный факт сам по себе. Тут ценно не только то, что помогли человеку, забитому трудными обстоятельствами. Но это и есть воспитание коммунистов, конкретное воспитание. На таких примерах вы и должны строить свое воспитание коммунистов.

И на плохом поступке тоже нужно строить воспитание путем его обсуждения на принципиальных позициях. Предположим, человек плохо работает. Тогда нужно показать, что эта плохая работа отзовется на всех. Вот на таких конкретных фактах, на жизненных вопросах, так же как и на общеполитических вопросах, и строится воспитание людей.

Приведу пример. Предположим, я секретарь партийной организации. Ко мне приходит много людей, и среди них бывают и такие, которые занимаются нашептыванием, что вот тот-то плохо работает, тот-то плохо поступает. А за самим тоже такие же грешки имеются. Есть ведь такие люди. Вот взять такого человека и разоблачить — это будет воспитательная работа.

Должен прямо сказать, что воспитательная работа — одна из самых трудных работ, потому что она связана также с вашим личным поведением. Если ты, например, будешь ратовать против водки, а сам будешь пить, то это не пройдет. Если ты призываешь к дисциплине, а сам ее постоянно нарушаешь, ясно, что такой призыв будет мало действенным.

Воспитание — это одна из самых трудных педагогических работ. А научить людей политической грамотности, знанию программы партии, устава — это другое дело, так как этим передаются определенные знания. Конечно, резкой черты тут не провести между учебой и воспитательной работой, потому что и учебой воспитываешь человека. Но главное, не упускайте из виду того, что воспитательная работа с членами партии должна итти ежедневно, незаметно, часто она строится на мелочах, а иногда и на серьезных, крупных делах и вопросах.

Вот здесь говорили, что проводится читка газет. Если газеты только читают и по этому поводу нет обсуждения, — этого недостаточно. Здесь может быть такое положение, что один газету уже успел прочитать и он вас не слушает, а другой, хотя и не прочитал, но одно чтение ему мало дает. А вот когда вы будете анализировать или обобщать прочитанное, тогда естественно, что каждому будет интересно. Поспорьте. Почему нельзя поспорить? А вы чересчур практики. Боитесь, как бы ошибку не допустить. Ну, что ж, если и ошибетесь! У нас карают не за ошибки, за ошибки вас поругают, может быть, в газете об этом напишут, — и все. Карают тех, кто

защищает свои ошибки, кто настаивает на них, отходит от линии партии. Если человек наш, предан советской власти, своей партии и если он дал какую-нибудь не вполне точную формулировку в своем толковании, то ему, конечно, укажут на это, и все.

Вы думаете, что партийность можно внедрять только уставом партии и программой? Конечно, как не познакомить вступившего в партию с уставом? Устав дает правила поведения. Но если бы только к этому и свелись беседы с коммунистами, — скучно было бы. Тут нельзя подходить формально.

Нужно уметь и в учебе подходить к разным людям поразному. Представим, что человеку 60 лет, а вы от него требуете полного знания программы и устава партии. Он хороший производственник, честный рабочий, преданный советской власти человек и неплохой коммунист. Ясно, что к такому члену партии в этом вопросе надо быть более снисходительным.

Вот мы устраиваем кружки, изучаем марксизм, а русскую историю очень мало изучаем, это как бы считается непартийным делом. Неправильно, абсолютно неправильно. Изучение русской истории интересно, увлекательно, а если русскую историю будет преподавать марксист и каждое историческое явление, которое было в прошлом, будет обсуждаться с марксистской точки зрения, то люди будут с интересом ходить на кружок и многому научатся. Это будет партийная работа.

Люди более квалифицированные могли бы заняться изучением истории философии. Вообще говоря, каждая группа любителей того или иного предмета, скажем, художественной литературы, определенного периода мировой истории, или люди, интересующиеся разработкой какой-нибудь общественной или даже технической проблемы, могут создавать кружки, где и изучат занимающий их предмет. А партийность этих кружков будет заключаться в применении марксистско-ленинского метода в подходе к изучаемым вопросам. Там люди и пофилософствовать смогут.

Какой же это настоящий коммунист, если он немного не пофилософствует. Мы глядим далеко вперед, в далекую перспективу. И мне кажется, что уж больно вы стали все практиками, все под нос смотрите, как бы где не споткнуться.

Марксизм — единственно верный метод к познанию не только общественных, но и природных явлений. Поэтому всякая работа, направленная на познание явлений вселенной, если вести ее с точки зрения марксизма-ленинизма, укрепляет нашу большевистскую партийность. Работа эта бесконечна. Нужно только, чтобы люди пошире смотрели на мир, чтобы осмысливали и обобщали свою практику.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Ответственный за издание редактор *А. Н. Пази*

Корректор *Е. Х. Исаева* Техред *Р. Г. Польская*

М—04305 Подписано к печ. 29/XI 1944 Объем 3 п. л. Тираж. 10000 Зак. 4740

Тип. № 2 Управления издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета

Цена 73 коп.